

И.А. Мироненко

О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ РОССИЙСКОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена анализу места и значения отечественной школы сравнительной психологии в мировой науке. Рассматривается специфика теории и методологии, на которых основывались исследования российских специалистов по сравнительной психологии XIX–XX в., и вклад российских ученых в мировую науку. В частности, представлены концепции В.А. Вагнера, Б.Ф. Поршнева, Н.Н. Ладыгиной-Котс и др. В статье также даются оценки современных западных теорий, прежде всего эволюционной психологии, и анализируется нынешнее состояние отечественной сравнительной психологии и перспективы ее будущего.

Ключевые слова: сравнительная психология, антропогенез, эволюция психики, антропоиды, отечественная школа психологии.

*Памяти моего первого
научного руководителя
Нины Александровны Тих*

Что происходит сегодня с отечественной сравнительной психологией? Выражаясь фигурально, об этом можно сказать, что «пациент скорее жив, чем мертв», но, пожалуй, не больше этого. Чтобы правильно оценить статус того маленького ручейка исследований по данному научному направлению, который можно обнаружить в потоке современной психологической литературы, необходимо рассмотреть не только срез сегодняшнего дня, но и весь процесс в его динамике от зарождения сравнительной психологии до современности. Откуда и куда течет этот ручеек? Иссыхающее ли это лоно когда-то великой реки научных исследований или зарождение реки будущей науки? Не так просто ответить на эти вопросы.

У российской сравнительной психологии славное прошлое. основоположниками научного изучения психической активности животных в России были К.Ф. Рулье (1814–1858) и В.А. Вагнер (1849–1934). Основанное ими направление получило название зоопсихологии. Оно изучало проявления, закономерности

и эволюцию психики животных. Особое внимание уделялось происхождению и развитию психики в онто- и филогенезе, а также выявлению возможных предпосылок и предистории человеческого сознания.

В.А. Вагнер был одним из первых русских ученых, которые обращались к исследованию индивидуально приобретенного поведения и его роли в жизнедеятельности животных. Согласно традициям своего времени он называл его «разумом», включая в это понятие результаты научения, накопление опыта в форме ассоциаций и подражание. Введенный им «объективный биологический метод» был воспринят и получил широкое применение в работах отечественных зоопсихологов.

Этот метод использовали Н.Н. Ладыгина-Котс (1935; 1959), Н.Ю. Войтонис (1949), Н.А. Тих (1966; 1970), Г.З. Рогинский (1948), С.Л. Новоселова (2000), К.Э. Фабри (1976). Эти ученые изучали психику человекообразных обезьян с точки зрения биологических предпосылок антропогенеза, возникновения и

развития человеческого сознания. Объектами их исследований были манипуляционная активность и орудийная деятельность, сложные навыки и интеллект, стадное поведение обезьян как предпосылка зарождения социальности и языка человека.

Исследования российских сравнительных психологов изначально опирались на уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в отечественной психологии. В основу этой теории заложена исторически сформировавшаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиция понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, трактовки социализации как запрета природного и естественного поведения, истолкования культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И.М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействии среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» (Ярошевский, 1996). Позже произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания А.А. Ухтомского.

Открытие И.П. Павловым механизма условных рефлексов позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая, в основе

которой уже не законы природы, но условные законы внешней ситуации, интeриоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие И.П. Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание законам уже не природы, но, часто вопреки этим законам, — социуму и запечатленной в языке культуре. «Учение о борьбе за существование, — писал К.А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» (Тимирязев, 1949, с. 54).

Подход к социальному как к силе, отменяющей биологическую детерминацию поведения человека, ярко проявляется в конкретно-психологических работах отечественных сравнительных психологов. В.А. Вагнер, основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (Вагнер, 1998, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: у него «способности разумные подавляют инстинкты тем легче,.. чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (Вагнер, 1998, с. 185).

Эта идея противопоставления законов природы и социума ярко выражена, в частности, в работах Вагнера о факторах и законах эволюции материнства. Вагнер включается в современную ему дискуссию о причинах существования в истории развития так называемых диких народов

периода, когда «детоубийство и вытравливание плода в колоссальных размерах представляют собой явление общераспространенное» (Вагнер, 1998, с. 79). С позиций эволюционной теории Ч. Дарвина (актуальной и сегодня) Вагнер ищет ответа на вопрос, почему данное страшное явление возникает именно на этой стадии развития живого мира. Все несвойственное животным, оно возникает на определенной стадии «дикости» культуры (не самой низкой) и вслед за прохождением какого-то исторического периода развития общества полностью исчезает. Подвергая критике широкий круг теорий, Вагнер предлагает следующее объяснение. Смысл данного этапа в эволюции человечества заключается в освобождении от власти биологического закона борьбы за существование вида, что становится возможным на определенном уровне развития разума, когда «у человека-дикаря дети убиваются вследствие того, что его психическая жизнь поднялась до степени понимания своих грубых индивидуальных прав на жизнь, какой она ему нравится» (Вагнер, 1998, с. 87). Если бы подобное отношение к потомству закрепилось в инстинкте какого-либо вида животных, этот вид был бы обречен на быстрое вымирание. У человека же «мать сначала сделалась детоубийцей, а потом, когда на место биологического закона борьбы за существование, регулировавшего у животных отношение матери к потомству, стало общество и взяло эту задачу в свои руки, материнская любовь получила новые силы и новое, только человеку присущее, содержание» (Вагнер, 1998, с. 87).

На данном примере Вагнер демонстрирует понимание человека как существа, находящегося в едином ряду с другими проявлениями жизни, но это единство диалектическое, включающее в себя противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития:

«на земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил... железный закон отбора, и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной — ребенком — право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов силу законов социальных» (Вагнер, 1998, с. 77).

Нормы человеческой нравственности коренятся не в природе человека, но в социуме. Сознательная ориентация поведения на понятия долга и общественного идеала — гораздо более надежный путь к миру с самим собой и обществом, чем ориентация на мифические общечеловеческие ценности. Вера в последние, в свою природную добродетель, приводит к тому, что человек, чувствуя неподобающие влечения, вместо того чтобы противостоять им с позиций долга, начинает искать себе оправдания, возлагать вину за дурные чувства либо на себя самого, тем самым лишаясь позитивной Я-концепции, либо на окружающих. Человек внутренне противоречив и далеко не свят. Но каждый человек отвечает за свои поступки перед Богом и перед людьми.

Диалектическое понимание природы человека воплощено в концепции эволюционного развития человека Б.Ф. Поршнева (Поршнева, 1974). «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» (там же, с. 17), — вот антиномия, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Л. Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять

как «перевертывание» животной природы в такую, с какой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена.

Проблему соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Б.Ф. Поршнев называет великой темой философии и естествознания, «загадкой человека», ответ на которую может быть найден, только если рассматривать человека как существо, исторически изменяющееся не только путем медленной постепенной трансформации частных особенностей, но и, главное, путем качественных скачков: «на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» (Поршнев, 1974, с. 16–17).

Подобно В.А. Вагнеру, описывающему картины детоубийства как неизбежный этап превращения животного в человека, Б.Ф. Поршнев рисует наших далеких предков-троглодитов красками, которые вряд ли могут понравиться тем, кто верит в существование неких «общечеловеческих ценностей», возникших некогда неизвестно каким образом, но сразу. По мнению Поршнева, наш далекий предок стремился избежать всякой продуктивной деятельности и жить за счет эксплуатации себе подобных. Зерном социального в психике троглодита, корнем, из которого развился язык как основная особенность человеческой психики, Поршнев считает способность суггестивно воздействовать на животных, а затем и на себе подобных, запрещая, оттормаживая текущее естественное инстинктивное поведение.

Ярким представителем российской сравнительной психологии была Н.Н. Ладыгина-Котс, чьи труды принесли российской науке мировое признание и составляют ее славу. Будучи приверженной идеям Ч. Дарвина, которого она считала основным своим учителем, Ладыгина-Котс занимает прямо противоположную ему позицию, выделяя, в отличие от него, качественное несходство обезьяны и человека. Эволюционная теория Ч. Дарвина, популярная в России и до Октябрьской революции, после революции становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать «нового человека». На вооружение берутся два основных тезиса Дарвина:

– вид изменяется;

– направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась в советский период российская сравнительная психология, которая, по сути, являлась российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения здесь было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно изменение поведения и психики в результате изменений условий обитания. Главным предметом интереса советских ученых была проблема специфичности человеческой психики, ее отличий от психики животных. В основу понимания данных отличий как радикальных и качественных была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественнонаучность и социоцентризм. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с

природой опосредуется специфическим, тоже закономерно в эволюции возникшим, образованием – социумом, культурой, которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных.

Н.Н. Ладыгина-Котс расходится и с теоретическими положениями В. Келера, одновременно с нею проводившего свои знаменитые опыты с шимпанзе. Как известно, В. Келер не видел принципиальной разницы в интеллекте обезьяны и человека. Н.Н. Ладыгина-Котс, напротив, со всей определенностью уже в своей ранней работе «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923) заявила, что обезьяна никаким образом не человек: «не совсем человек, а совсем не человек». Тем самым она сразу заняла позицию, позволившую ей впоследствии обнаружить антропогенетически значимые черты психики антропоидов и показать принципиально важные приобретения человека.

Заметим, что Надежда Николаевна любила животных, тонко чувствовала их состояние, добивалась расположения, доверяя к себе и только потом вводила их в мир эксперимента, всегда адекватного природным потенциальным возможностям испытуемых. Н.Н. Ладыгина-Котс считала, что в исследовании психики животных, в частности обезьян, ведущее значение имеет не только соответствие методики задачам эксперимента, но и ее функциональная комфортность для испытуемого. Именно этот подход обеспечил Н.Н. Ладыгиной-Котс получение глубоких и обширных фактических данных. В пространной статье С.Л. Новоселовой (Новоселова, 2001) рассказывается о том, как Н.Н. Ладыгина-Котс модифицировала метод «проблемных клеток»

Дж. Уотсона. В классическом варианте методики животное помещается внутрь клетки и может выйти из нее, лишь отомкнув замок, расположенный на внутренней стороне дверцы. Этот вариант искажает картину решения «задачи» эксперимента, так как животное бывает сильно возбуждено, реализуя свой «рефлекс свободы». В опытах, проведенных с макакой-резусом с 1917 по 1919 г., Н.Н. Ладыгина-Котс избрала иной, шадящий животное вариант, она использовала проблемную клетку как вместилище для лакомой приманки, которую животное могло достать, отомкнув снаружи клетки один из многочисленных хитроумных замков, применявшихся последовательно. Модификация «проблемной клетки» по Н.Н. Ладыгиной-Котс снимает с животного стрессогенность обстановки эксперимента в первоначальном варианте и демонстрирует важность учета исследователем субъективного фактора комфортности для подопытного животного.

О шимпанзе и других высших обезьянах Н.Н. Ладыгина-Котс писала: «Они, несомненно, животные и никоим образом не люди, но животные, стоящие очень близко к первому маршу лестницы, называемой антропогенезом. Поэтому они нуждаются в особой заботе в местах обитания, гуманном обращении с ними (как и с другими животными) и в лабораториях, зоопарках, цирках. Условия их жизни в неволе должны соответствовать степени уважения человека к своей эволюционной предыстории» (цит. по: Новоселова, 2001, с. 105).

Восприятие, эмоции, память, интеллект она изучала в широком эволюционном контексте и рассматривала развитие психики, начиная с простейших и заканчивая человеком. Это позволило ей, с одной стороны, рельефно показать специфику высших психических функций, присущих приматам, в сравнении с психическими компонентами более простых

по организации нервной системы животных. С другой стороны, дало возможность усмотреть конкретные показатели качественного различия психики высших обезьян и человека.

Важнейшим моментом в научной деятельности Н.Н. Ладыгиной-Котс была ее работа с шимпанзе Иони. В 1910 г. супруги Котс приобрели на собственные средства¹ и поместили у себя на квартире детеныша шимпанзе. Надежда Николаевна изучала эмоциональные проявления и познавательные способности животного. Ее руководящим основным принципом был отказ от всякой дрессировки, применение не механических, но развивающих приемов обучения. Целью ее работы было вскрытие заложенных в животном дремлющих психических способностей.

Три года, день за днем, с утра до поздней ночи, продолжалось небывалое в истории науки непрерывное общение четы зоологов с их приемышем — шимпанзе Иони. Результаты оказались настолько интересными, что получили широкую известность и высочайшую оценку ученых России и всего мира. Материалы исследований легли в основу дипломной работы Ладыгиной-Котс «Новый метод исследования познавательных способностей шимпанзе». Ее основные положения были доложены на Съезде естествоиспытателей и врачей и позже в расширенном виде вышли отдельной книгой.

Шимпанзе Иони прожил в семье Надежды Николаевны три года (1910–1913). Благодаря постоянным наблюдениям за Иони был впервые описан поведенческий репертуар детеныша шимпанзе, включающий игровую, исследовательскую и конструктивную деятельность

(Ладыгина-Котс, 1923). Особое значение имели наблюдения особенностей восприятия и обучаемости шимпанзе. Иони обнаружил также способность к наглядно-действенному мышлению, к обобщению нескольких признаков и использованию понятия о тождестве (сходстве) стимулов. Последнее он применял не только в ситуации эксперимента, но и в повседневной жизни.

Первая книга Н.Н. Ладыгиной-Котс привлекла внимание крупнейших ученых Европы. Э. Клапаред (Archives de Psychologie, 1924, p. 191–192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными фотографиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в Зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея в Москве г-жой Н. Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что г-жа Котс сможет скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

Подобные исследования развития детенышей обезьян, «усыновленных» человеком, спустя несколько десятилетий успешно повторили В. и Л. Келлог (Kellog, Kellog, 1933) и К. и К. Хейс (Hayes, Hayes, 1951). Вторая жизнь этого экспериментального метода началась в 70-е гг. XX в., когда американские ученые обратились к поискам у антропоидов зачатков второй сигнальной системы и начали обучать их различным языкам-посредникам. Многие из них (см., например: Savage-Rumbaugh, 1994) подтвердили выявленные Ладыгиной-Котс черты сходства в раннем развитии познавательных способностей человека и шимпанзе, а, кроме того, показали, что шимпанзе к пяти годам могут усваивать аналог человеческого языка на уровне детей в возрасте 2–2,5 лет. Закономерности, обнаруженные Ладыгиной-Котс, подтвердились также в многочисленных исследованиях этологов, например

¹ Интересно отметить, что супруги Котс на собственные же средства основали Дарвиновский музей, заложили основу его коллекций. В 1913 г. этот музей они подарили Высшим Московским женским курсам, однако продолжали работать там всю жизнь.

Дж. Гудолл, Дж. Шаллера, Д. Фосси, наблюдавших шимпанзе и горилл в естественной среде обитания.

В процессе изучения познавательных способностей Иони Ладыгина-Котс разработала и ввела в экспериментальную практику методику «выбора по образцу», которая с тех пор широко используется в психологии и физиологии для исследования разных аспектов психики животных.

В 1925 г. у супругов Котс родился первенец. С первого часа его жизни и до семилетнего возраста мать вела непрерывные наблюдения за его психическим развитием. Дневники передают особенно выразительные моменты поведения и умственного развития ребенка и составляют около тысячи страниц текста и несколько тысяч фотографий.

На основе анализа дневниковых записей, сотен задокументированных фотографических серий, выполненных А.Ф. Котсом, было проведено детальное сравнение особенностей свободного поведения шимпанзе и ребенка в возрасте от полутора до четырех лет, результаты которого составили содержание монографии «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935). Эта монография принесла Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс мировую славу и была переведена на основные европейские языки. Главным выводом этой работы стало то, что на фоне многих сторон внешнего сходства проявлений поведения человека и шимпанзе — общности проявления некоторых инстинктов, схожести двигательных игр, выразительных движений — имеются существенные различия в отношении качества эмоций, характера игр (особенно конструктивных игр человека) и пр. Как и в других работах, в этой монографии Н.Н. Ладыгина-Котс утверждает: психические процессы человека (ребенка) и шимпанзе качественно отличаются.

Монография получила многочисленные восторженные отзывы в ряде отечественных и зарубежных изданий. Ее фрагменты были включены в учебники по зоологии и эволюционному учению для средней школы, вузов и печатались в некоторых научно-популярных изданиях. Оригинальные фотографии были репродуцированы многими издательствами Америки, Англии, Германии, Франции, Голландии, Польши и др.

Р. Йеркс отмечал: «Г-жа Котс — талантливейший наблюдатель, чуткий и хорошо эрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека. Этот том есть прежде всего иллюстрированный и описательный очерк эмоциональных выражений у шимпанзе и человеческого дитяти, и хотя иллюстрации прежних томов г-жи Котс были великолепны по качеству и высокой научной ценности, настоящая серия иллюстраций превосходит прежние во всех отношениях. Они являются богатейшим источником поучения, очаровывающим внимание тех, кто занимается проблемами психофизиологии» (цит. по: Новоселова, 2001, с. 104).

«В одном из изданий французской энциклопедии, — писал Г.З. Рогинский (1948), — данные Н.Н. Ладыгиной-Котс об эмоциях у обезьян становятся рядом с данными из исследований “О выражении чувств” Ч. Дарвина».

Научная деятельность Н.Н. Ладыгиной-Котс нашла свое признание со стороны известнейших зарубежных ученых (Р. Йеркс, А. Гезелл, Э. Клапаред, Х.Ф. Осборн, В. Келер, О. Келер, Л. Циглер, Л.Т. Хобгауз, А. Пьерон, К. Бюлер, Я. Дембовский, супруги Хайс, Д. Букстон, Э. Моррис, М. Шайн и др.), проявивших большой интерес к ее исследованиям как в их начале, так и позднее, в период 1930—1950-х гг. Н.Н. Ладыгина-Котс

принимала деятельное участие в издании книг Я. Дембовского в СССР «Психология животных» (1959) и «Психология обезьян» (1963). Личная библиотека Н.Н. Ладыгиной-Котс содержала десятки книг, присланных или переданных ей учеными Англии, США, Франции, Германии, Японии и мн. др.

Н.Н. Ладыгина-Котс своими трудами еще в начале XX в. заложила фундамент нового раздела психологической науки — эволюционной психологии. Н.Н. Ладыгина-Котс всегда думала в первую очередь о продвижении идей Ч. Дарвина в современность. Вместе с тем она творчески переосмысливала положения его теории. Так, Н.Н. Ладыгина-Котс всегда подчеркивала, что существует качественное отличие психики человека, обусловленной его социальным историческим генезом, как достижение определенной ступени эволюционирования живых организмов. Она писала: «Велика была роль трудов Дарвина в освещении проблемы антропогенеза. Но в наше время, с благодарностью вспоминая колоссальные заслуги Дарвина перед материалистической наукой, мы обязаны уточнить решение проблемы антропогенеза, опираясь при этом на диалектический материализм...» (цит. по: Новоселова, 2000, с. 104).

Следует отметить, что в своем подходе Н.Н. Ладыгина-Котс радикально отличается от того направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке. Эволюционная психология как новейшее научное направление в западной науке (Dawkins, 1976; Cartwright, 2000) возникла в русле развития социобиологии (Wilson, 1975). Социобиология стала развиваться во второй половине 70-х гг. XX в. вследствие открытия генетиками механизмов так называемого группового наследования («семейного отбора»). Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид,

но группа, связанная родственными узлами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидуальному эгоистическому поведению — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

В свете этих открытий стали понятными вещи, которые сам Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными: случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своих сородичей. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих проявления альтруизма, в сообществе, несомненно, биологически целесообразно и обеспечивает сообществу в целом лучшие условия для выживания, по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу. Социобиология претендует на объяснение биологической целесообразности всех видов общественного поведения животных и той или иной доли в социальном поведении человека. В крайних вариантах под логику биологической целесообразности в борьбе за существование вида подводится все социальное поведение людей.

В результате открытия «группового отбора» стало возможным и необходимым развести два значения понятия «социальное», которое может определяться либо как противоположность «индивидуальному», либо как противоположность «животному». До этого времени существовала сильная тенденция к отождествлению областей этих значений. Так, А.Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики» (1972), говоря о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже

когда вместе действуют несколько особей, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. Феномен взаимодействия и взаимопонимания между членами сообщества в соответствии с его концепцией возникает лишь на уровне человеческой психики.

Сегодня благодаря успехам биологии мы можем с точностью указать наличие «социального» фактора в животных сообществах, что позволяет на новом уровне поставить проблему специфичности человеческой психики по сравнению с психикой животного. Разведение как независимых дихотомий «животное—человек» и «индивид—сообщество» в контексте определения понятия «социальное» позволяет выделять психические феномены:

- животные феномены, проявляющиеся на уровне индивида;
- животные феномены, проявляющиеся на уровне сообщества;
- специфические человеческие феномены, проявляющиеся на уровне индивида;
- специфические человеческие феномены, проявляющиеся на уровне сообщества.

Многие вопросы биосоциальной природы человека ставятся по-разному или вообще не могут быть поставлены в зависимости от того, в контексте которой из вышеназванных дихотомий понимает социальное автор теории. Так, понимание «социального» как противоположного индивидуальному уводит проблему свободы воли человека в зону «слепого пятна» научной школы. В русле биологизаторских направлений не могут быть предложены никакие варианты теорий свободы воли человека, понимаемой как внутренняя свобода, свобода от собственных страстей, так как в основе этих направлений — модель человека, лишенная соответствующих свойств и проявлений. Свобода здесь может быть понята лишь как свобода от постороннего принуждения.

Итогом стало смещение предметной области, относимой к проблеме социальности: для западной психологической науки — в область отношений индивида и общности, для отечественной школы — в область специфических особенностей психики человека, проблем сознания, воли и т.п. (см. табл.).

Таблица

Значение понятия «социальное» и предметные области исследований «социальности»

	<i>Отечественная психологическая наука</i>	<i>Североамериканская и западно-европейская наука</i>
<i>Значение понятия «социальное»</i>	Определяется в дихотомии «человек—животное»	Определяется в дихотомии «индивид—общность»
<i>Предметная область исследований «социальности»</i>	Специфичность человеческой психики в дихотомии «человек—животное» (интраиндивидуальный подход)	Взаимоотношения противопоставленных друг другу индивидуума и общности (интериндивидуальный подход)

В центре внимания современных западных эволюционных психологов — познавательные механизмы человека, функциональные системы, определяющие способы и правила принятия решений. Сторонники этого направления полагают, что эти механизмы сложились в далеком прошлом, когда происходил

процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически. Естественно, при таком подходе большее значение приобретает исследование той среды, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к ней, — так называемой среды эволюционной адаптации (СЭА).

Интенсивно обсуждается в литературе этого направления, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для того, чтобы выжить в ней. Эволюционная психология активно взаимодействует со сравнительной психологией и этологией, из описаний жизни современных нам приматов заимствуя материал для гипотетических реконструкций СЭА.

Исследования современных эволюционных психологов являются областью бурного и плодотворного развития в мировой психологии, здесь уже появились яркие теории, такие, как модульная теория мышления (Tooby, Cosmides, 1990; 1992), меметика (Dawkins, 1976) – своеобразная попытка анализа культуры с позиций биологии, парадоксальные и часто шокирующие эмпирические исследования (Daly, Wilson, 1988; Cartwright, 2000).

Заслуживает внимания то, что в работах российских психологов данное предметное поле начало разрабатываться существенно раньше, чем на Западе, и с существенно иных, по сути, альтернативных, теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки, свидетельством чему является переиздание Оксфордским университетом в 2002 г. самого известного труда Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935 г.)².

В советский период сравнительная психология, как и зоопсихология занимали достойное место в структуре отечественной психологической науки в

качестве одних из фундаментальных ее отраслей. Авторитетность этих фундаментальных разработок в советской России была очень высока. Ученые, работавшие в этой области, пользовались поддержкой государственных структур, что обеспечивало им высокий статус и достойную оплату труда³. Это создавало возможности притока в фундаментальную науку лучших сил, наиболее способных людей.

С началом перестройки, с разрушением системы государственного финансирования фундаментальных исследований и появлением альтернативных государственным источников субсидирования прикладных разработок ситуация резко изменилась. То, что было сильной стороной отечественной школы – наличие мощных теоретических концепций и профессиональных специалистов в области теории и методологии, оказалось в значительной мере невостребованным. Более того, отмечается (Психологическая наука., 1997), что статус теоретической работы в среде молодых психологов в постсоветский период стал достаточно низким. Большинство ученых вынуждены были переориентироваться на работу в области практической психологии. Если общая психология и история психологии устояли в постсоветский период благодаря востребованности в сфере растущего в геометрической прогрессии психологического образования и возможности проведения исследований, не требующих содержания соответствующих лабораторий, то сравнительная психология быстро пришла в упадок.

В лаборатории истории психологии ИП РАН под руководством В.А. Кольцовой было проведено исследование направлений и тенденций развития

² Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence. Oxford, 2002.

³ Интересно, что Ж. Пиаже (Piaget, 1996), вспоминая о своем визите к советским коллегам в конце 1950-х гг., отмечает высокий социальный статус ученых в СССР, огромное уважение, которым они пользуются в обществе.

российской психологии в 80-90 гг. XX в. (Психологическая наука., 1997). Объектом был избран массив книжных публикаций по психологии, изданных в 1980–1995 гг. Для выявления тенденций развития психологии в указанный период использовалось распределение публикаций по отраслям и направлениям психологии и внутри направлений – по проблемам. Наряду с тем, что в целом был выявлен неуклонный рост количества публикуемых книг по психологии, что свидетельствовало о растущей значимости психологического знания в жизни общества, а также о расширении внутренних ресурсов самой психологической науки, были выявлены и наименее представленные в книжных изданиях анализируемого периода направления. На первом месте с конца – сравнительная психология – единственная публикация. По данным исследования В.А. Кольцовой, минимум публикаций в постсоветский период приходится на сравнительную психологию – одно из самых ярких, самобытных, традиционно теоретически сильных направлений отечественной науки.

В последующие годы ситуация несколько изменилась, вышел из печати ряд книг по зоопсихологии, прежде всего учебников и учебных пособий. Однако обращает на себя внимание тот факт, что авторами в большинстве случаев являются не психологи, а биологи, и книги эти во многом входят в противоречие с положениями отечественной школы сравнительной психологии, где центральной проблемой была проблема качественной специфики человеческой психики в ее противопоставлении психике животного. Да и в большинстве вузов сегодня сравнительную психологию преподают будущим психологам биологам.

В широко распространенных учебниках, написанных биологами, трактовка соотношения инстинктивного и прижизненно приобретенного поведения,

соотношения психики человека и психики животного ближе к американскому бихевиоризму, чем к положениям, выработанным отечественной школой сравнительной психологии и представленным в трудах В.А. Вагнера, Н.Н. Ладыгиной-Котс, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Н.А. Тих. Естественно, что положения, выработанные основоположниками школы, могут и должны подвергаться критике и пересматриваться последователями. Однако при сохранении преемственности в развитии школы отказ от установившихся в ней положений должен становиться предметом обсуждения, быть аргументированным. В данном же случае речь идет о равнодушном игнорировании авторами новых учебников чужеродного для них материала – отечественных сравнительно-психологических концепций.

Нужны ли нам сегодня эти концепции? Представляют ли они какой-то интерес, кроме историко-психологического? Чем глубже мы вникаем в их содержание, тем очевиднее их полемический потенциал, расхождение их теоретико-методологических оснований с зарубежной сравнительной и зоопсихологией. Сложившаяся ситуация требует осмысления профессиональным сообществом.

Для российской психологии современный период является периодом динамичных и радикальных изменений, временем парадоксального сочетания тенденций в ее развитии. Это, во-первых, время интеграции мировой науки после длительного периода, когда «школы» развивались относительно независимо, в отсутствии единой общепринятой теории. Во-вторых, это время распада целостного научного направления, сложившегося в СССР.

В результате длительной изоляции за «железным занавесом», когда российская психология фактически выпала из поля зрения зарубежных коллег, современный процесс интеграции мировой

науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы. Процесс слияния российской науки с зарубежной продолжается и набирает силу, но процесс этот имеет односторонний характер. В России переводят, излагают и включают в образовательные программы концепции западных авторов, встречное же движение фактически отсутствует. В то же время актуальной тенденцией является и утрата самой отечественной психологией претензий на самобытность. А.В. Юревич с беспощадной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» (Юревич, 2004, с. 13).

Однако в развитии психологии в постсоветской России явно выделяются два периода, которые различаются ведущими тенденциями. Первый период — с конца 1980-х гг. до начала двухтысячных годов — можно обозначить как «время разбрасывать камни». С начала нового века наступило время «собирать камни». Наступает осознание того факта, что в водовороте происходящих перемен российской психологии не только есть что приобрести, но и есть что терять. В сочетании процессов неизбежной и быстро идущей «глобализации» мировой науки и бурной дивергенции методологических подходов отечественных ученых и практиков сейчас кажутся возможными очень различные варианты будущего.

Отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед выбором:

- согласиться с тем, что ничего существенного, сопоставимого по значимости с достижениями зарубежной психологии советской наукой сделано

не было, принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. При этом теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации;

- признавая достижения отечественных авторов, приняв роль «наследников» советской психологии, перетолковать и перекрыть это «наследство» по образу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели, адаптировать отечественные психологические теории к западным, которым при этом придается статус обобщающих научных систем. В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л.С. Выготского: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в... сводимые воедино системы» (Выготский, 1982, с. 330);

- обозначить самобытность отечественной психологической школы, акцентировать ее полемический потенциал по отношению к другим школам. Включиться в мировой процесс, не потеряв собственного лица, как самостоятельное направление, которое, в принципе, не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

Третий путь — самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единой мировой психологической науки, которая формируется на наших глазах, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василук, 2003). Основопологающим моментом и первым шагом в этом плане представляется самоопределение отечественной

психологии в контексте мировой психологической науки, которое должно стать основой происходящей интеграции. Именно в решении этой насущной задачи современного периода в развитии российской психологии может существенно помочь нам отечественная сравнительная психология, в которой ярко воплотились специфические особенности отечественной психологической школы, отличающие ее от других направлений мировой науки, составляющие ее своеобразие.

Какое будущее ждет российскую сравнительную психологию? Исследования в этой области дорого стоят и не приносят прямого дохода. Перспектива их разворачивания не кажется особенно оптимистичной. За последние двадцать лет традиция научного поиска была прервана, школа фактически прекратила свое существование, многие имена забыты. И тем не менее, отечественная школа сравнительной психологии заслужила достойное место в истории мировой науки. Переиздание в Оксфорде книги Н.Н. Ладыгиной-Котс в 2002 г. хочется рассматривать как знаковое явление: труды российских сравнительных психологов востребованы в мировой науке и, можно надеяться, войдут в ее контекст. Возможно, у российских сравнительных психологов найдутся и последователи за пределами России.

Литература

- Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии (биопсихология). Ч. 1, 2. СПб.; М., 1910–1913.
- Вагнер В.А.* Сравнительная психология. М.; Воронеж, 1998.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
- Войтонис Н.Ю.* Предыстория интеллекта. М.; Л., 1949.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
- Дембовский Я.* Психология животных. М., 1959.
- Дембовский Я.* Психология обезьян. М., 1963.
- Ладыгина-Котс Н.Н.* Исследование познавательных способностей шимпанзе. Ч. 1, 2. М.; Пг., 1923.
- Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935.
- Ладыгина-Котс Н.Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- Новоселова С.Л.* Интеллектуальная основа развития деятельности приматов. М.; Воронеж, 2000.
- Новоселова С.Л.* Надежда Николаевна Ладыгина-Котс – гордость отечественной науки // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 76–107.
- Поринев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
- Рогинский Г.З.* Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л., 1948.
- Тимирязев К.А.* Избр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1949.
- Тих Н.А.* Ранний онтогенез поведения приматов. Сравнительно-психологическое исследование. Л., 1966.
- Тих Н.А.* Предыстория общества. Л., 1970.
- Фабри К.Э.* Основы зоопсихологии. М., 1976, 1993.
- Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту [Препринт WP6/2004/02. Серия WP6.] М., 2004.
- Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
- Archives de Psychologie. 1924. Vol. XIX.
- Barkow J.H., Cosmides L., Tooby J.* The Adapted Mind. Oxford, 1995.
- Cartwright J.* Evolution and Human Behaviour. London, 2000.
- Daly M., Wilson M.* Homicide. N.-Y., 1988.
- Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford, 1976.

Hayes K., Hayes C. The intellectual development of home-raised chimpanzee // Proc. Am. Phil. Soc. 1951. Vol. 95. P. 105–109.

Gigerenzer G., Hug K. Domain-specific reasoning: social contrasts, cheating and perspective change // Cognition, 1992. Vol. 43. P. 127–171.

Gigerenzer G. The modularity of social intelligence // Machiavellian Intelligence–2. Cambridge, 1997. P. 265–288.

Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence. Oxford, 2002.

Kellog W.N., Kellog L. A the ape and the child. N.-Y., 1933.

Piaget J. Some impressions of a visit to the Soviet psychologists (reprinted from American Psychologist, 1956) // Piaget–Vygotsky: The social genesis of thought / Ed. by A. Tryphon, A. Voneche. Hove, 1996.

Pinker S. The Language Instinct. London, 1994.

Rose R.J. Genes and Human Behavior // Annual Revue of Psychology. 1995. Vol. 46.

Samuels R. Evolutionary psychology and the massive modularity hypothesis // British J. for the Philosophy of Science. 1998. Vol. 49. P. 575–602.

Savage-Rumbaugh E.S. Roger Lewin Kanzi: the ape at the brink of the human mind. N.-Y., 1994.

Shapiro L., Epstein W. Evolutionary theory meets cognitive psychology: a more selective perspective // Mind and Language. 1998. Vol. 13 (2). P. 171–194.

Tooby J., Cosmides L. The past explains the present: adaptations and the structure of ancestral environments // Ethology and Sociobiology. 1990. Vol. 11. P. 375–424.

Tooby J., Cosmides L. (eds.) The Adapted Mind. Oxford, 1992.

Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975.

Wright R. The Moral Animal: Evolutionary Psychology and Everyday Life. London, 1994.

Yerkes R.M. Chimpanzees: A Laboratory Colony // New Heaven, 1943.